

© 2016 г.

А.Ю. БОРИСОВ

НЮРНБЕРГ-2, ИЛИ НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СУД НАД СПОНСОРАМИ НАЦИЗМА

С Дворцом правосудия в Нюрнберге, где 70 лет назад заседал Международный военный трибунал, связана одна символическая деталь: в зале “600”, запечатленном в кадрах старой кинохроники, оказывается до сих пор вершится правосудие, выносятся приговоры по особо тяжким преступлениям. Как же могло случиться, что тогда “по горячим следам” победы над гитлеровским фашизмом суд народов в Нюрнберге ограничился вынесением справедливого приговора главным военным преступникам и отступил перед теми, кто стоял за их спиной и являлся их спонсорами и покровителями – крупными промышленниками и финансистами. Невольно на память приходят слова автора бессмертной “Человеческой комедии” Бальзака: “Закон – это паутина, сквозь которую пролезают крупные мухи, и застревает мелюзга”.

Разумеется, нацистские главари не были “мелюзгой” и их ответственность за кровавые преступления была полностью доказана в ходе 407 заседаний Нюрнбергского процесса. Но все-таки по большому счету им была отведена роль статистов на подмостках истории, за спиной которых стояли куда более крупные фигуры из международных деловых кругов, ускользнувшие от ответственности. Британский министр иностранных дел Эрнст Бевин в связи с этим признавал в 1947 г., что “только мелкая рыбешка попала под суд”¹.

Тем не менее, хотя “Нюрнберг-2” и не состоялся, сама постановка вопроса в ходе процесса о причастности “большого бизнеса” к преступлениям нацистов и подготовке Второй мировой войны имеет исключительно важное значение как с точки зрения более полного прочтения одной из самых трагичных глав истории XX в., так и извлечения уроков для современности.

Между тем история учит, что большой бизнес только тогда конструктивен и социально ответственен, когда ему противостоит сильное гражданское общество, построенное на верховенстве закона и демократических принципах. В послевоенной Германии эти факторы, как известно, отсутствовали. Там в тугой узел сплелись власть больших денег, человеконенавистническая идеология и амбиции криминальных кругов, объединившихся в целях осуществления авантюристической, агрессивной политики².

И все-таки, что помешало государствам-победителям, когда, казалось бы, все козыри были у них на руках, не говоря уже об антифашистски настроенном мировом

Борисов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор Московского института международных отношений (университета) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный посланник II класса.

¹ *Bower T.* Blind Eye to Murder. Britain America and Purging of Nazi Germany – A Pledge Betrayed. London, 1981, p. 252.

² Подробнее см.: *Немчинов А.* Олигархи в черных мундирах. М., 2005; *Препарата Г.Дж.* Гитлер, Inc. Как Британия и США создавали Третий рейх. М., 2007; *Лохнер Л.* Кровавый контракт. Магнаты и тираны Круппы, Боши, Сименсы и Третий рейх. М., 2014.

общественном мнении, посадить на скамью подсудимых вслед за главарями Третьего рейха и “капитанов” большого бизнеса, создавших военную машину гитлеровцев и активно участвовавших в ограблении народов Европы? Кстати говоря, награбленные капиталы, надежно спрятанные за рубежом, как известно после войны вернулись в ФРГ, когда “страсти” денацификации улеглись и в значительной степени обеспечили успех так называемого “немецкого экономического чуда”. Получается, что одним из последствий несостоявшегося суда над силами, вскормившими фашизм, явилась легализация награбленных капиталов, их возвращение в послевоенный финансовый оборот и по сути дела “отмывание” грязных и кровавых денег в масштабах, не имевших прецедента в истории ни до, ни после.

Сопоставление архивных материалов как советских, так и стран-союзников СССР по антигитлеровской коалиции позволяет понять, почему “был спущен на тормозах” Нюрнберг-2, несмотря на имевшееся первоначальное взаимопонимание союзников о важности его проведения.

Во-первых, по мере нормализации послевоенной обстановки и возвращения к отношениям в духе “business as usual” после разгрома главного европейского конкурента США и Великобритании в лице гитлеровской Германии, возобладала корпоративная солидарность международного бизнеса и его тесная связь с госаппаратом своих стран. В Лондоне и Вашингтоне укреплялось мнение “не раскачивать лодку” в условиях набиравших силу разногласий с Советским Союзом. Начавшийся трибунал уже показал, что могут “всплыть” самые нелицеприятные и компрометирующие факты из довоенных досье, контролировать которые было по сути дела практически невозможно. При этом в западных столицах боялись, что игра пойдет “в одни ворота”, так как было ясно, что ее площадкой станут черные дела германских магнатов в кооперации с корыстными интересами англо-американского капитала, к которым государственно-административная система Советского Союза, по вполне понятным причинам, не имела никакого отношения. Тем более что основной конкурент был к этому времени повержен и прощён и добивать “лежачего” считалось контрпродуктивным.

Другой причиной можно считать отсутствие необходимой настойчивости и последовательности со стороны советской дипломатии и советского обвинения. Судя по имеющимся материалам, задача судебного преследования фюреров экономики нацистского рейха не входила в число первоочередных задач СССР на процессе. Не было даже четко сформулированного обвинительного заключения в их адрес. Советская сторона в то время, скорее всего, не располагала достаточно полными сведениями о масштабах довоенного делового сотрудничества германских промышленников с их партнерами в США и Великобритании и ограничивалась в основном выдвиганием обвинений в адрес наиболее одиозных главарей военной экономики Третьего рейха.

Как известно, на Берлинской (Потсдамской) конференции СССР, США и Великобритании в июле – августе 1945 г., т.е. как раз в период подготовки Нюрнбергского трибунала, затрагивался вопрос о наказании главных нацистских преступников. Сам по себе этот вопрос вроде бы представлялся очевидным, но неожиданно между союзниками возникли разногласия при его обсуждении. Англичане и американцы неожиданно выступили против упоминания конкретных имен военных преступников и предложили оставить это на усмотрение главного обвинителя трибунала американского судьи Р. Джексона. Утверждалось, что упоминание конкретных имен, прежде всего из числа крупных промышленников и финансистов, якобы могло помешать работе трибунала, хотя имена главных пособников нацистов были и так у всех на слуху.

Такая странная уклончивость со стороны союзников вызвала явное недоумение главы советской делегации И.В. Сталина. “Имена, по-моему, нужны, – заявил он. – Это нужно сделать для общественного мнения. Надо, чтобы люди это знали. Будем ли мы привлекать к суду каких-либо немецких промышленников? Я думаю, что будем. Мы называем Круппа. Если Крупп не годится, давайте назовем других”. Трумэн пытался отшучиваться: “Все они мне не нравятся”, – говорил он под общий смех. Сталин между тем продолжал стоять на своем и предложил не позднее чем через месяц опубликовать

первый список привлекаемых к суду немецких военных преступников. С этим предложением Сталина согласились все³. Тем не менее многое тогда оставалось “за кадром”.

Ситуация в чем-то напоминала призывы наказать “торговцев смертью” после Первой мировой войны, которые, как известно, скоро сошли на нет. Нюрнбергская юриспруденция явно оказалась не готова поднять тему такого масштаба и сложности, как преследование экономических пособников геноцида, агрессии, войны и насилия, которые непосредственно не участвовали в зверствах и военных преступлениях. Спору нет, сформировать четко обвинения в их адрес, установить преступные связи и мотивы действий, разработать систему неопровержимых доказательств было делом куда более сложным, чем обвинить главных военных преступников, чьи руки были по локоть в крови. Беспомощность обвинения в этой части проявилась уже в известном американском меморандуме от 30 апреля 1945 г., который лег в основу Устава Трибунала. В нем говорилось о “главных нацистских лидерах и их основных пособниках”. В самом Уставе в ст. 2 (“Круг преступлений”) ничего не говорилось о промышленниках или финансистах. Лишь в объяснительной записке советской стороны к проекту Устава говорилось о важности расследования “финансовых махинаций” нацистов на оккупированных территориях. Юрисдикцией трибунала, согласно меморандуму С. Розенмана, весьма туманно объявлялось “рассмотрение дел руководителей европейских держав и их соучастников”⁴.

Все это порождало чувство неудовлетворения в общественном мнении, особенно среди переживших фашистскую оккупацию европейских народов, испытывавших на себе гитлеровский “новый порядок”. Нужны были громкие имена среди фабрикантов оружия – пособников нацистской агрессии. Президент Трумэн, чувствуя настроения общественности, требовал от главного американского обвинителя на процессе Р. Джексона осудить “хотя бы одного немецкого (!) промышленника”. “Козлом отпущения” должен был стать престарелый Густав Крупп – имя нарицательное, крестный отец “Большой Берты”, обстреливавшей еще во время Первой мировой войны с расстояния почти в 100 км Париж. Характерно, что в справке о местонахождении политических и военных руководителей гитлеровской Германии, фигурировавшей на процессе, из 39 чел. денежную олигархию Германии представлял только один Крупп фон Болен, захваченный в плен американскими войсками в середине апреля 1945 г. Как оказалось, это был сын старого Круппа – Альфред. Вокруг имени старика Круппа разыгрался самый настоящий фарс.

Когда его нашли в своем поместье в Австрии и хотели вручить обвинительное заключение, то оказалось, что 75-летний пушечный король был фактически недееспособен. Он лежал в постели в полузабытьи и не понимал, чего от него хотят. Вскоре стало ясно, что произошла судебная ошибка. Случайная или преднамеренная – до сих пор остается загадкой. Американцы имели в виду Альфреда Круппа, который вел дела отца на протяжении многих лет, а англичане внесли в официальный список Густава, что якобы прошло мимо внимания сотрудников американского обвинителя. Дальнейшие события просто трудно расценить иначе как комедию.

Советское обвинение, судя по архивным материалам, не имело ничего против того, чтобы посадить на скамью подсудимых невменяемого Круппа. В практике А.Я. Вышинского, который дирижировал обвинением на так называемых “московских процессах” и был координатором действий советского обвинения в Нюрнберге, были случаи и потруднее. 27 октября 1945 г. он обращается к Г.М. Маленкову с просьбой откомандировать в Нюрнберг 3 врачей Лечсанупра Кремля на 10–15 дней в связи с необходимостью провести психиатрическую экспертизу Круппа, Гесса и Функа. 6 ноября 1945 г. Крупп был освидетельствован консилиумом врачей-специалистов из четырех

³ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа). Сборник документов. М., 1980, с. 280–281.

⁴ Архив внешней политики России (далее – АВП РФ), ф. Референтура по Германии, оп. 32, д. 1, п. 68.

стран, включая представителей СССР – профессоров Л.М. Сеана, А.А. Курсакова и Е.К. Краснушкина, которые заключили, что “больной страдает размягчением мозга... его умственное состояние таково, что он не в состоянии понимать судебный процесс и понимать или участвовать в допросе, не может быть перемещаем без опасности для жизни и можно ожидать только ухудшения в дальнейшем”. И в заключение: “Он никогда не будет способен умственно или физически предстать перед Международным Военным трибуналом”.

Можно сказать, что в Москве Вышинский на заключение врачей отреагировал словами позднее известного киногероя “Торопиться не надо!”. Он дает указание А.А. Соболеву, начальнику политического отдела Советской военной администрации в Германии: «Прошу передать в строго секретном порядке экспертам: “Надо задержаться. Твердо отстаивать свое мнение. Если возникнут разногласия в этом отношении и затруднения окончательное заключение отложить и уведомить нас”»⁵.

Но было уже поздно. Врачебная этика одержала верх над отцом формулы “признание обвиняемого – царица доказательств”. Опыт московских процессов мало чем мог пригодиться в Нюрнберге. Правда, “дело Круппа” не закончилось признанием невменяемым главы семейства. В конце концов, согласно несудебной логике, так ли уж было важно, кого посадить на скамью подсудимых – сына или отца. Причастность обоих к преступлениям нацистов была более чем очевидна. Но такому антиправовому подходу решительно воспротивилась англо-саксонская Фемида с той лишь разницей, что американцы проявляли большую покладистость, чем англичане.

Еще 24 октября 1945 г. Р. Джексон телеграммой уведомляет главного советского обвинителя Р.А. Руденко: “Представители службы трибунала по обвинению Круппа сообщают, что с последним случился удар паралича и он не может быть ни перевезен, ни судим. Думаю, что дело в отношении его может быть прекращено. Наше положение было бы абсурдным, если бы вели дела против других промышленников и не включили представителей военной промышленности. Считаю, что немедленно должно состояться совещание обвинителей в Нюрнберге для того, чтобы решить вопрос о том, изменять ли обвинение. Это должно быть сделано немедленно или будет иметь место задержка с началом процесса”⁶. Конкретно Джексон предлагал провести встречу обвинителей в Нюрнберге в пятницу 26 октября.

Еще не успев начаться, работа трибунала грозила осложниться из-за разногласий между основными участниками. Ясно было, что дело Альфреда Круппа следовало вывести в отдельное судопроизводство, а не пытаться делать вид, что произошло досадное судебное недоразумение. На этом особенно настаивали законопослушные англичане. “Речь идет о судебном деле, – настаивал британский обвинитель сэр Хартли Шоукросс, – а не об игре, в которой заболевшего участника можно заменить другим”⁷.

Однако советская сторона, продолжая настаивать на простой корректировке обвинительного заключения путем изменения имен в нем, в итоге оказалась с самого начала процесса в ситуации, близкой к изоляции. Разногласия вскрылись в ходе заседания главных обвинителей 15 ноября 1945 г. Среди вопросов к началу процесса обсуждался и вопрос об Альфреде Круппе. Однако решения никакого не было вынесено. Вот что докладывали по ВЧ из Нюрнберга Вышинскому: “Все члены трибунала, в том числе и американцы, кроме нас (подчеркнуто мною. – А.Б.) против механического включения Альфреда Круппа в список обвиняемых по первому процессу. Англичане вообще против предания суду Альфреда Круппа. Французы за то, чтобы судить Альфреда Круппа, но для этого считают необходимым составить отдельное обвинительное заключение. Если будет решено рассматривать его дело совместно с остальными обвиняемыми, то французы считают, что процесс необходимо отложить не менее чем на 30 дней”⁸.

⁵ АВП РФ, ф. Референтура по Германии, оп. 30, д. 2, п. 13, л. 5–7.

⁶ Там же.

⁷ *Дарнишtedт Т.* Суд народов. – Профиль, № 40(50), октябрь, 2006.

⁸ АВП РФ, ф. Референтура по Германии, оп. 30, д. 2, п. 12, л. 3.

Учитывая, что сравнительно частный вопрос грозил осложнить начало Нюрнбергского процесса, назначенного на 20 ноября, советская сторона решила отступить и проявила тактическую гибкость, предложив подготовить новое обвинительное заключение по делу Альфреда Круппа и предоставить на ознакомление с ним обвиняемому две недели. Американцам и французам это предложение понравилось, а англичане продолжали возражать.

На следующий день, 16 ноября, состоялось новое заседание Комитета обвинителей, в результате которого тремя голосами против одного (Англия) было принято следующее решение:

- а) выделить дело Густава Круппа и привлечь к суду Альфреда Круппа;
- б) отложить начало судебного процесса до 2 декабря.

Особенно непримиримо в отношении немецкого “пушечного короля” повело себя французское обвинение. Имя Круппа давно стало во Франции нарицательным. Пик производства танков на его заводах был достигнут в начале 1945 г. и производство пришлось остановить лишь из-за отсутствия железнодорожных составов для отправки танков на фронт. Поэтому, как следовало из шифротелеграммы на имя Вышинского, направленной 19 ноября из Берлина В.С. Семеновым, французы требовали обнародования предложенного ими обвинительного заключения против Альфреда Круппа: “французы хотят судить А. Круппа сейчас же и требуют, чтобы был объявлен специальный обвинительный акт против Альфреда Круппа, после чего слушать дело против главных военных преступников и против Альфреда Круппа одновременно, как бы в виде двух дел. Англичане заявляют, что они готовы объявить публично о том, что Англия работает над делом Круппа, но это дело будет слушаться позднее”⁹.

Вопрос запутывался все больше и больше и грозил сорвать начало работы Трибунала и завести всю его работу в тупик. Учитывая это, советская сторона вновь проявила тактическую гибкость и, по предложению заместителя главного обвинителя Ю.В. Покровского, согласилась поддержать англичан, тем более что требовалось время, чтобы подготовить обвинительные документы против Альфреда Круппа.

Столкнувшись с общим фронтом СССР, США и Великобритании французам не осталось ничего другого, как уступить, чтобы не оказаться виновниками срыва начала работы трибунала.

Начавшийся 20 ноября 1945 г. процесс продолжался 218 дней. Были рассмотрены 2630 документов, представленных обвинителями, заслушаны 270 свидетельских показаний, потребовалось 5 млн листов бумаги, чтобы размножить письменные документы на четырех рабочих языках процесса. И чем глубже обвинители и судьи вникали в чудовищные преступления нацистов, тем, видимо, у многих из них возникало естественное чувство неудовлетворенности незавершенностью обвинения и выпадением из него, по сути дела, всей закулисной стороны гитлеровской агрессии, ее истинных пружин и движущих сил. Хотя в числе главных военных преступников фигурировали “финансовый гений” Третьего рейха Яльмар Шахт и имперский министр вооружений Альберт Шпеер, промышленные и финансовые магнаты Германии и их заокеанские партнеры по довоенному бизнесу не собирались делить ответственность за преступления нацистов.

До определенного момента в Лондоне и Вашингтоне руководствовались чувством мести к довоенным конкурентам из числа деловых тузов стран-оси, особенно гитлеровской Германии, которые “повели себя” не по-джентльменски и нарушили законы свободной конкуренции, прибегнув к военной силе преступного государства.

По сути дела в результате этого произошел насильственный передел рынков, собственности и сфер влияния в пользу германского бизнеса. Вся Европа превратилась в колоссальный рынок сбыта для германской промышленности и источник дешевой рабочей силы и сырьевых ресурсов для нее, не говоря уже о прямом ограблении европейских народов.

⁹ Там же, л. 5.

Поэтому всю войну в Лондоне и Вашингтоне думали о том, как пожесточе наказать конкурента, нарушившего правила честной конкуренции. В части американской политической элиты к этому добавлялся и шок, вызванный имевшимися сведениями об осуществлении гитлеровцами широкомасштабного геноцида еврейского населения, так называемого “окончательного решения”, получившего после войны название “Холокост”, осуществление которого происходило на передовой технической основе, созданной германской промышленностью.

Именно в США возник и долгое время оставался руководством к действию “план Моргентау”, названный так по имени министра финансов США, который предлагал послевоенную деиндустриализацию Германии и расчленение ее на ряд “пасторальных” государств. По сути дела речь шла о возвращении к добисмарковской Германии, представлявшей собой рыхлый союз или унию зависимых государств.

На Каирской конференции (1943 г.) Рузвельт и Черчилль состязались в своей кровожадности и высказывались в том духе, что следовало “на месте” расстреливать нацистских преступников без суда и следствия. Черчилль вообще считал, что следовало просто расстрелять первую сотню нацистских главарей. На второй Квебекской конференции (1944 г.) Черчилль и Рузвельт договорились о “немедленной ликвидации” главарей рейха. Черчилль мрачно шутил, что готов проявить великодушие, сократив время от обнаружения преступников до их расстрела с 1 до 6 часов. В октябре 1944 г. во время своего визита в Москву он в беседе со Сталиным затронул тему наказания нацистских главарей. Информировав Рузвельта о своих переговорах в Москве он удивленно сообщил: “Дядя Джо неожиданно повел себя сверхреспектабельно”. Мол, “не должно быть никаких казней без суда, иначе мир решит, что мы боимся процессов”. Я указал на трудности в международном праве, но он повторил, что не должно быть смертных приговоров”¹⁰, – телеграфировал Черчилль в Вашингтон.

Вероятно, отголосками этих настроений в ходе процесса в части наказания зарвавшихся конкурентов, доставивших столько бед англичанам, явился ключевой документ в форме памятной записки, переданный 15 февраля 1946 г. британским обвинителем сэром Хартли Шоукроссом в советское посольство в Лондоне. Документ, прежде всего, исходил из того, что следовало разгрузить трибунал и передать дальнейшие процессы над военными преступниками непосредственно в соответствующие оккупационные зоны, где они содержались или где совершили преступления. Англичане собирались сделать это, как указывалось, в течение последующих месяцев. Этот принцип передачи преступников для суда “на местах”, кстати говоря, через много лет был взят за основу в работе МТБЮ (Международного трибунала по бывшей Югославии), когда обвиненные в геноциде и преступлениях против человечности передавались под национальное законодательство стран – бывших республик Югославии, в частности в Боснию и Герцеговину для суда, чтобы разгрузить МТБЮ.

Из этого документа следует, что англичане торопились завершить международный военный трибунал, но создавали впечатление, что за ним должен последовать “Нюрнберг-2” для суда над немецкими промышленниками и что, мол, точку ставить было еще рано. В частности Шоукросс предлагал советской стороне рассмотреть вопрос, “следует ли нам по окончании происходящего сейчас Нюрнбергского процесса, провести в МВТ, учрежденному согласно Уставу от 8 августа 1945 г., следующий процесс над главными военными преступниками”. Англичане склонялись к той точке зрения, что это не стоило делать, как указывалось выше. Можно догадаться, что за этим уже тогда стояли планы западных союзников “спустить на тормозах” денацификацию в своих зонах, что и стало очевидным в ближайшие месяцы. Достаточно сказать, что половина назначенных американцами чиновников во вновь созданное министерство юстиции в американской зоне являлись бывшими членами нацистской партии и подлежали аресту. Как отмечает американский историк Том Браун, “американская зона стала подлинным раем для военных преступников”¹¹.

¹⁰ Bower T. Op. cit., p. 82, 84.

¹¹ Ibid., p. 239.

Поэтому переданная Шоукроссом памятная записка имела своей целью скорее всего найти выход из деликатной ситуации и заручиться поддержкой СССР. Недаром в ней далее говорилось: “Однако многое можно сказать за проведение следующего процесса Международного трибунала, направленного в основном, если не исключительно, против немецких промышленников. Сейчас встает вопрос, сможем ли мы достичь соглашения между четырьмя государствами по этому вопросу”. Англичане ставили вопрос о проведении “Нюрнберга-2” в практическую плоскость, предлагая договориться о месте его проведения, Уставе и, как подчеркивалось, “особенно вопроса о председателе”.

Нюрнберг, по их мнению, и на этот раз чисто по техническим причинам (помещение, жилищные условия и т.д.) перевешивал Берлин. “Если второй процесс должен начаться очень скоро по окончании первого, то, я думаю, ввиду общих соображений удобства и эффективности перевешивает весьма сильно Нюрнберг. С другой стороны, я вполне понимаю, что поскольку Берлин является местом пребывания трибунала, СССР может захотеть провести второй процесс там”, как бы размышлял Шоукросс.

Далее англичанин доверительно сообщал, что у США имеются “сильные притязания” на то, чтобы их представитель был председателем Трибунала во время любого второго процесса. Правда, он тут же признавал, что, согласно межсоюзнической договоренности, американский судья должен был председательствовать только на первом процессе. Но, учитывая тот факт, что американцы несли основную административную и организационную нагрузку по процессу и что эта нагрузка была значительной, британская сторона давала понять, что она ничего не имела бы против американского председательства. “Можем ли мы договориться относительно этого?” – прямо ставил вопрос Шоукросс?

В заключение он предлагал следующее: “Возможно, что для четырех заинтересованных государств будет приемлемым уполномочить своих главных обвинителей в Нюрнберге разрешить эти вопросы, и было бы желательным, чтобы у нас было какое-нибудь общее принципиальное соглашение, которое могло бы послужить основой для обсуждения на Нюрнбергском процессе”¹².

В советских архивах не удалось обнаружить никакого следа реакции на этот документ и, скорее всего, ее не было и вообще. В то время в советской дипломатии была принята практика оставлять нередко на входящем документе резолюцию “без ответа”. Объяснение этому весьма простое: над Нюрнбергским процессом начали сгущаться тучи надвигающейся “холодной войны”. Февраль – март 1946 г., когда разногласия между СССР, США и Великобританией стали все чаще, особенно после Фултонской речи У. Черчилля, выходить на публичный уровень, явились водоразделом и в работе Нюрнбергского процесса. Любопытная деталь из дипломатической каждодневной практики тех месяцев. 7 декабря 1945 г. Вышинский принял в Москве английского посла Арчибальда Кларк Керра, который поинтересовался впечатлениями замнаркома о Нюрнбергском процессе, “в частности, дружно ли работают обвинители”. Ответ был положительным: “Я ответил ему утвердительно”, говорится в советской записи беседы о реакции Вышинского¹³. А 14 марта 1946 г. посольство США в Москве направило в НКВД резкую по тону ноту, в которой выражалось недовольство тем, что ряд советских должностных лиц прибыли в Нюрнберг в “американскую зону” не имея соответствующих документов на въезд¹⁴. Раньше подобным фактам никто не стал бы придавать значение. Теперь же советской стороне их приходилось принимать во внимание, задумываясь о месте проведения Нюрнберга-2.

Атмосфера сгущалась не только вокруг, но и в ходе самого процесса. Каждая сторона из числа государств-победителей имела свои “скелеты в шкафу”. И процесс начинал напоминать “ящик Пандоры”, из которого могли выйти на поверхность любые нелицеприятные факты. Для Запада это была вся предвоенная политика “умиротворения”

¹² АВП РФ, ф. Референтура по Германии, оп. 32, д. 1, п. 178, л. 18–19.

¹³ Там же, оп. 30, д. 5, п. 1, л. 8.

¹⁴ Там же, оп. 28, д. 2, п. 3, л. 12.

агрессоров с ее центральным болевым узлом “Мюнхенским сговором”, и корыстные деловые связи западных корпораций с верхушкой германского бизнеса по укреплению военной машины нацистов.

Для Советского Союза уязвимыми можно было считать события, связанные с подписанием пакта Молотова – Риббентропа и секретных протоколов к нему и, особенно, трагедия Катыни. Весьма квалифицированная защита главных военных преступников быстро нащупала эти уязвимые места в советском обвинении. Поэтому советское обвинение проявляло большую бдительность в связи с этими вопросами и стремилось работать на опережение. В записке Сталину за подписью В.М. Молотова об указаниях Руденко от 16 октября 1945 г., например, говорилось о том, что “не следует в обвинительном заключении допускать того или иного политического толкования событий”. Любопытно, что нарком предлагал заменить в заключении слова “вождь”, “вожди”, “вождизм” на прижившиеся в русском языке немецкие слова “фюрер”, “фюреры” и даже “фюрерство”. Двумя днями раньше в записке Молотову его первый зам. Вышинский бдительно предложил в “обвинительном акте по делу 24” использовать слово “всеобъемлющий” вместо слов “тоталитарный”¹⁵.

Особое беспокойство наркома, судя по архивным документам, вызывал пакт с немцами 1939 г., вошедший в историю под его именем. Он хотел избежать любых возможных намеков или ссылок на него в контексте основных событий, предшествовавших развязыванию Второй мировой войны, в частности нападению гитлеровцев на Польшу и вскоре последовавшей военной акции Советского Союза, довершившей распад польского государства. Его тревожили в частности такие пассажи в проекте обвинительного заключения, подготовленного американцами, как осуждение “вторжения или угрозы вторжения”. В записке Сталину он выражал несогласие и с другим тезисом – “участие в общем плане или мероприятии, направленном к установлению господства над другими нациями”.

Хотя даже в закрытых документах вещи не назывались своими именами, суть их от этого не менялась. В той же записке Молотов энергично докладывал вождю свое мнение. “Мы считаем, что эти крайне неопределенные формулировки дают возможность признать международным преступлением и военные мероприятия, проводимые в качестве обороны против агрессии”. При этом Молотов, хорошо понимая, что говорит на одном языке с тем, кому докладывал, все-таки осторожничал и занимался словесной эквилибристикой. Он приводил тот аргумент, что вторжение “наших” (советских. – А.Б.) и англо-американских войск в Германию “нельзя рассматривать в качестве преступления”. По его предложению, эти абстракции с осуждением “вторжения” и “агрессии” вообще можно было принять только при указании на фашистскую агрессию. Нарком отмечал, что советскому представителю в Лондоне были даны указания решительно возражать против указанных пунктов, однако англичане и американцы настойчиво добивались их сохранения, а французы их в этом поддерживали. “Прошу Ваших указаний”, запрашивал мнение Сталина нарком¹⁶. Отдадим должное прозорливости наркома. Кто тогда мог предполагать, что наступит время, когда освобождение Европы от фашизма начнут именовать “советской оккупацией”.

Для Лондона и Вашингтона между тем это был вопрос принципа. Осуждение войны и агрессии в качестве преступления против человечества в развитие идеи довоенного пакта Бриана – Келлога было тем, ради чего и затевался, по их мнению, Нюрнбергский процесс. Тема геноцида звучала, по мнению многих современных юристов, куда скромнее и приглушеннее. В английском “Форин офисе”, когда из сообщений Московского радио узнали, например, о трагедии Бабьего Яра, скептически расценили это как “продукт славянского воображения”. Английский министр иностранных дел А. Иден в связи с этим говорил, что его не интересуют “военные преступления” (war crime business). Во всяком случае Сталин не разделил в полной мере озабоченности Молотова

¹⁵ Там же, д. 3, п. 1, л. 2.

¹⁶ Там же, д. 1, п. 2, л. 5.

и из-за “войны формулировок” не захотел затягивать начало работы трибунала. Судя по всему, между главными участниками довоенной политики, объединившимися с началом войны в антигитлеровской коалиции, до определенного момента действовало “по умолчанию” согласие не трогать болевые точки друг друга и сосредоточиться на ключевой задаче трибунала – осуждении военных преступников и совершенных ими преступлений.

Сложнее для советского обвинения складывалась ситуация с трагедией польских офицеров, расстрелянных на Смоленщине. Сказав “а” надо было говорить “б”. Советская версия Катыни, озвученная в разгар войны в 1943 г., была включена в качестве одного из пунктов злодеяний нацистов в обвинительное заключение Нюрнбергского трибунала. По этому вопросу несколько раз заседала специальная правительственная комиссия по руководству Нюрнбергским процессом под председательством Вышинского, которая рассматривала различные тактические ходы советского обвинения на заседаниях трибунала. Однако ситуация стала складываться не в пользу Советского Союза. 20 апреля 1946 г. Семенов после очередной схватки на процессе докладывает Вышинскому: “Со стороны защиты не исключены дальнейшие попытки вылазок против СССР, ибо трибунал довольно благосклонно относится к этому”¹⁷.

Это был сигнал, который ясно говорил Кремлю, что в обстановке усиливающейся напряженности в отношениях с США и Великобританией процесс становился непредсказуемым и грозил скомпрометировать руководителей Советского государства. В этой ситуации на заседании Правительственной комиссии по руководству Нюрнбергским процессом 24 мая 1946 г. был принят проект письма И.Т. Никитченко членам Международного Военного трибунала “об ускорении проведения Нюрнбергского процесса”¹⁸. Попытки продвинуть советскую версию катынской трагедии еще по инерции продолжались, но в Кремле понимали бесперспективность этого.

Совсем по другим причинам процесс, выражавший дух единства стран-участниц победившей антигитлеровской коалиции, становился в тягость для западных держав. Единство уступало место расколу между вчерашними союзниками. Побежденная Германия рассматривалась в качестве нового союзника в борьбе с коммунизмом и ее промышленный потенциал принимался в расчет при восстановлении Европы с привлечением американского капитала (“план Маршалла”) и мощи германских корпораций. В Америке нарастали настроения покончить с “позором” Нюрнберга. Американский главный обвинитель Р. Джексон, роль которого так идеализируется в США в качестве “непреклонного борца с нацизмом”, был очень восприимчив к этим сигналам. В мае 1946 г. он подготовил меморандум для заместителя министра обороны США Р. Паттерсона, в котором высказался против проведения нового процесса: “Я считаю, что мало, что может быть достигнуто с нашей американской точки зрения и слишком много подвергнуто риску”. Что же конкретно? “У меня также есть немалые сомнения, – продолжал Джексон, – в отношении продолжительной публичной атаки, направленной против частной промышленности, которая может помешать деловому сотрудничеству с нашим правительством в поддержании должной обороны в будущем, в то время как совсем не ослабит советскую позицию, так как они не основываются на частном предпринимательстве”¹⁹.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы мнение Джексона было по достоинству оценено в Вашингтоне. 6 августа 1946 г., видимо, после ряда бюрократических согласований, Паттерсон сообщает американскому обвинителю о том, что не может быть и речи позволить русским судить промышленников “ввиду, – как подчеркивалось, – многочисленных связей между германскими и американскими экономиками до войны, так как это создаст великолепную возможность скомпрометировать США в

¹⁷ Там же, л. 12.

¹⁸ Там же, л. 18.

¹⁹ См. *Higham C. Trading with the Enemy. An Expose of the Nazi – American Money Plot. 1933–1949. New York, 1983, p. 115–116.*

ходе процесса”²⁰. Когда госсекретарь США Дж. Бирнс 3 сентября 1946 г. встретился в Лондоне со своим английским коллегой Э. Бевиным, он чистосердечно признался, что главным аргументом против нового процесса была яростная оппозиция со стороны руководителей американского бизнеса.

Между тем историческая драма под названием Нюрнбергский трибунал вступала в заключительный акт – вынесение приговора. Советское обвинение добивалось высшей меры наказания для всех главарей гитлеровской Германии, выделенных в группу главных военных преступников, включая организаторов военной экономики Шахта и Шпеера. 18 сентября 1946 г. “Большая тройка” в лице Прокурора СССР К. Горшенина, начальника главного управления военной контрразведки В. Абакумова и помощника главного обвинителя от СССР Л. Смирнова направила свои предложения Вышинскому по мерам наказания, будучи наслышанными о сильных колебаниях среди судей в отношении вынесения приговора Шахту и Шпееру. В документе говорилось: “Шпеер – надо настаивать на обвинении по всем разделам и требовать смертной казни. Доводы: а) имперский министр осуществлявший общую политику Гитлера; б) вооружал германскую армию средствами уничтожения при осуществлении фашистских разбойничьих нападений на мирные народы.

Шахт – ни в коем случае не соглашаться с судьями. Надо буквально ультимативно требовать полного обвинения Шахта и применения смертной казни.

Доводы: а) Шахт прямо помогал Гитлеру прийти к власти; б) он организовал финансовую поддержку фашистов, включив в это немецких капиталистов; в) Шахт организовал и осуществлял финансирование агрессии Германии против других стран; г) ссылки Шахта на якобы отход его от Гитлера и уход в оппозицию материалами дела не подтверждены и являются желаемым предположением тех, кто пытается спасти Шахта”.

Авторы документа настаивали, чтобы член МВТ от СССР И.Т. Никитченко добивался осуществления этих указаний и их принятия “различными способами, умело перетягивая на свою сторону колеблющихся членов суда и убедительно разбивая мнения не согласных с нашей точкой зрения”.

В противном случае, считали авторы документа, если с советскими предложениями не будут соглашаться, несмотря на все усилия, то “надо твердо дать понять, что такого приговора мы не подпишем и вся ответственность за это ляжет на партнеров”²¹.

Увы, поставленная задача-максимум оказалась не по силам советскому представителю в трибунале. Слишком мощные силы развернули активность за кулисами. Судя по тому, как смело, если не сказать вызывающе вели себя перед судьями Шпеер и Шахт, они понимали, что их довоенные партнеры по бизнесу не дадут их в обиду. Один из американских следователей на процессе Ф. Адамс свидетельствовал, что на английского судью Дж. Лоуренса сильное давление оказал специально прибывший в Нюрнберг управляющий Английским банком Монтегю Норманн, известный “умиротворитель” гитлеровской Германии и довоенный приятель Яльмара Шахта. “Мы считали, – повествовал Адамс, – что Норманн убедил Лоуренса, что банкиры не могут быть преступниками”²². В итоге Шахт – “финансовый гений” Третьего рейха, как известно, был оправдан “за отсутствием улик”.

Заступничество англичан помогло спасти от виселицы и Альберта Шпеера. Судья Лоуренс не скрывал, что был поражен “честностью” и “интеллектом” подсудимого и потребовал для него всего лишь 10 лет тюрьмы. Лишь под сильным давлением со стороны советского члена трибунала Шпеер в конечном итоге был приговорен к 20 годам заключения, что рассматривалось как уступка англичан и американцев Советскому Союзу. Зато глава трудового фронта простоватый Ф. Заукель, непосредственно подчиненный Шпееру, получил сполна и не избежал виселицы.

²⁰ Ibid., p. 232. См. также: *Walden G. How Hitler Lost a Demented Wager Made in Money, Guns and Blood.* Bloomberg, 2006.

²¹ АВП РФ, ф. Референтура по Германии, оп. 32, д. 3, п. 2, л. 9.

²² *Bower T.* Op. cit., p. 347.

Так была подведена черта под преступлениями нацистских главарей. 16 октября 1946 г. для 10 из них смертные приговоры были приведены в исполнение в спортивном зале тюрьмы Дворца правосудия в Нюрнберге. В Кремле, где сходились все нити большой политики, поступили разумно, согласившись с приговорами и зафиксировав лишь для истории особое мнение судьи Никитченко по поводу оправдания судом Шахта, Папена и Фриче. Значение Нюрнберга в мировой истории это, разумеется, не могло сколько-нибудь принизить.

Что касается “Нюрнберга-2”, то к этой теме вчерашние союзники, надолго разведенные “холодной войной”, по вполне понятным причинам, уже больше никогда не возвращались.